

ГЛАВА 1

Память — это медная доска, покрытая буквами, которые время незаметно сглаживает, если порой не возобновлять их резцом. Ну, это афоризм, конечно. Красивые слова. А на самом деле память — удивительное свойство. Пряча где-то в самых потайных уголках души разные вещицы, о которых разум и думать забыл, она вдруг, словно подточенная резцом подсознания, в самый неожиданный момент достает их, разворачивает обертку и выкладывает перед тобой как есть — дескать, держи, это твое. Это было, хочешь ты того или нет, и это по-прежнему с тобой.

Бывает, что ты радуешься этим воспоминаниям — надо же, оказывается, это было, а я и думать перестал! Бывает и наоборот: какой-то неприятный факт, который ты изо всех сил пытался забыть, втиснуть подальше в глубины подсознания, вдруг всплывает так явственно, что становится очевидно: это тоже было и есть с тобой по-прежнему и никуда тебе от этого не деться.

Вот и у сыщиков Льва Гурова и Станислава Крячко на почве скуки разыгрались воспоминания.

Дело было в конце февраля, когда вроде бы до весны остались считанные дни, а может быть, и часы — смотря кто какими категориями привык мерить время. Но эти часы еще нужно было прожить. А пока за окном висел сизый сумрак, стояли последние морозы, ветер бушевал с такой силой, словно зима напоследок выплескивала всю ярость от неизбежности своего ухода, клубилась по земле поземка, хлопали ветви деревьев, и солнце, еще вчера светившее обманчиво ярко, предвещая скорый март, сегодня спряталось от греха подальше и не высывалось из-за сурово нависших неприветливых туч.

Но в кабинете, занимаемом Гуровым и Крячко, было тепло и уютно. Станислав Крячко, всю зиму жаловавшийся на холод, притащил наконец позаимствованный у тестя обогреватель и теперь, не жалея ни его, ни казенного электричества, врубал его ежедневно и, придвинув к своему столу, блаженствовал, откинувшись в кресле и вытянув к теплу ноги.

Этот период совпал с периодом затишья в делах: серьезные преступления были раскрыты, материалы подшиты, доведены до ума и переданы в суд, новых убийств и гра-

бежей, «достойных» уровня двух полковников, оперов-«важняков», слава богу, не случилось, и сыщики могли позволить себе расслабиться и просто поболтать друг с другом.

— А помнишь, как мы на речку поехали отдыхать с женами, а они заблудились? — развалившись в кресле, вспоминал Станислав. — Шибко ты тогда перепугался!

— А ты будто не перепугался? Бегал и ныл, что «дикие звери-убийцы» загрызут, или в капкан попадут, или лесник их пристрелит! — улыбнулся Гуров.

— Да не такое в голову взбредет, когда жена пропала...

— А сам жалуешься постоянно: достала, запилила, уеду на дачу, в отделе жить буду, диван в кабинете поставлю! — посмеиваясь, напомнил Лев. — «А они там пусть как хотят выкручиваются!»

— Так это ж совсем другое! — не смутился Крячко. — Я же знаю, что она, Наташка моя, жива и здорова. Ей, кстати, на пользу пойдет на время одной покуковать и подумать! А то замучила совсем: «Вечно ты на работе, дома тебя не бывает!» А стоит пораньше прийти — начинается: «То не купил, это не принес, про это забыл!» Ну и как тут домой торопиться? Чего я там не слышал? Вот на днях решил ее порадовать, нарочно пораньше с работы срулил, заранее предупредил, прихожу — наду-

тая стоит! Говорю — чего такое? А она мне: «Мы должны были к родителям в гости идти, а ты опоздал!» Оказывается, я должен был прийти в пять, а пришел в полвосьмого. Хотя я специально на рынок заехал, чтобы свечи новые для мотора купить.

— Два часа свечи покупал? — удивился Лев.

— Ну, заболтался немного с мужиками... — признался Станислав. — Что такого? Она с тещей вон по телефону тоже часами треплется, пока та все болячки не перечислит! И еще в гости к ним идти, по новой языками чесать! Тьфу!

— Да уж, пришел, называется, пораньше домой! Надо было ей хотя бы цветов купить, тогда бы она поняла. А ты — свечи!

— Цветы на авторынке не продают! — буркнул Крячко. — И вообще это пустая трата денег. Она бы меня потом за это запилила — мол, тратишь на всякую ерунду, лучше бы сумку новую мне купил.

— Ну и купил бы сумку!

— А она потом скажет — не такую купил! Я ж говорю, это характер такой, что ни сделай — все не так! — обреченно махнул рукой Стас.

Вообще-то Крячко, несмотря на то что периодически жаловался на жену и взрослых уже детей, слыл примерным семьянином.

Брак его считался (и был в действительности) одним из самых крепких среди сотрудников Главка. Как поженились с Натальей в молодости, так и жили по сей день, без особых потрясений. И, на взгляд Гурова, вполне подходили друг другу, так как Станислав тоже обладал своими особенностями характера, которые не переделать. Например, любил иногда поворчать по пустякам, при этом совершенно не злясь, и вообще отличался вполне миролюбивым и жизнерадостным нравом. И жалобы на жену были несерьезными — так просто, чтобы создать видимость проблем.

— Скучно тебе, Станислав, — сделал вывод Гуров. — Все у вас с Наташкой хорошо, вот ты и придумываешь проблемы на ровном месте.

— Ничего себе, на ровном! — тут же возмутился Крячко. — А вот на прошлой неделе...

Но Гуров, не желая углубляться в надуманные обиды лучшего друга, быстро спросил:

— А помнишь, как ты на матрац надувной лег и уснул?

— Да не напоминай даже, у меня от этих воспоминаний спина начинает зудеть! Никогда в жизни так не обгорал, — тут же отозвался Станислав.

— Зато весело было.

— Ха! Утешил, друг, спасибо! Весело! Кому как! Тебе, может, и было, а мне — сов-

сем наоборот! Вот всегда я, Лева, знал, что ты злыдень!

Сыщики помирали от скуки. Никаких интересных дел их уровня не было, ничего интересного не происходило, кроссворды все были разгаданы Станиславом Крячко, а за окном стоял такой дубняк, что выходить на какие-либо прогулки или посещать заведения развлекательного характера и не хотелось. Крячко, вальяжно развалившись в мягком кресле, потягивал уже третью чашку английского чая, принесенного Гуровым. Гуров же сидел на своем любимом классическом табурете. Он вообще предпочитал жесткие сиденья, иногда даже без спинок. А вот Стас любил понежить себя в гигантских креслах с обивкой и регулируемой спинкой.

— О чем думаешь, Лев Иванович? — спросил он, наблюдая, как Гуров, глядя в потолок, о чем-то размышляет.

— Да вот историю вспомнил интересную. Помнишь, лет пятнадцать назад к нам в отдел парнишка пришел? Тоже Стасиком вроде звали.

— Что-то не припоминаю.

— Ну, невысокий такой брюнет. Уши у него в разные стороны торчали, забавный парень, но шустрый. Перевели его через два года в другой отдел.

— А, это тот, с родинкой на щеке?

— Так я вот какую историю вспомнил. Он когда к нам пришел, еще совсем молодой был, зеленый. Направлялся как-то паренек в аэропорт, не помню уже, по службе или по своим делам каким, и вдруг приспичило ему в туалет забежать. Выходит он оттуда и видит — мужик перед ним резко что-то прячет за ремень и пиджачком прикрывает. А, он на патруле там был, точно! Так вот этот патрульный осмотрел мужика: весь в наколках, лысый, часы золотые, кейсик в руке. На вид — типичный бандюга. Ну и давай он его разматывать, мол, документы покажите. Мужик в отказ пошел, документы в сумке остались. Тогда он у мужика спрашивает, что за поясом спрятал? А тот «быка включает», мол, ничего не прятал. Патрульный наш решил основательно до него докопаться, уж больно подозрительным он казался. И все бы хорошо, если бы не наивность его. Мужик плакаться ему начал, мол, жена из дома выгнала, а в кейсе только часы да мелочь всякая. Пове-рил ему парень и отпустил, даже не проверив. А знаешь, что потом оказалось? Это один из главных местных авторитетов был. В один вечер с катушек слетел, жену пристрелил, своих деловых партнеров и решил из города свалить по-быстрому. Так и не нашли его.

— Да уж, вот как бывает. Везение, не больше. Тоже одну историю мне рассказы-

вали, еще когда только в школу милиции пришел. Был паренек один, роман закрутил с какой-то дамочкой постарше. Сидел он у нее дома, а тут «братки» вваливают. Ну, он в шкаф лезет, думает, вдруг не заметят? Но не тут-то было, муж ее, как оказалось, пришел домой. Увидел мужскую обувь, расписховался, начал по дому носиться и любовника искать. И не один ведь был, а с «братвой». Парень думает, все — приплыл, с жизнью уже попрощался и вдруг случайно залез в карман куртки, а там — «макаров». И обойма полная. Осмотрел — боевой. На предохранитель поставил, выбежал из «засады», ствол направил на «братков» и давай им задвигать, что убьет и все такое. Один за оружием полез, пулю в ногу получил. Испугался не на шутку, конечно, но виду не подал. В общем, ушел он оттуда живой и невредимый, вместе с женой того авторитета, и из города свалил.

— Не верю я в такие истории.

— Да чистая правда! Знаешь, как парня того прозвали — «кладоискатель»!

— Стас, завязывай!

Стас расстроился от того, что Лев не поверил ему. Ведь ему рассказывали эту историю не случайные прохожие, а его друзья на тот момент. Поэтому он решил больше не разговаривать с Гуровым, а пить его чай в гордом одиночестве.

Дверь в кабинет неожиданно открылась, и вошел начальник Главного управления МВД генерал-лейтенант Орлов.

— Здравия желаю, товарищ генерал! — бравым голосом гаркнул Крячко.

— И вам здарсьте. Скучаете? — покосился Орлов на сдвинутые стул и кресло, а также на чайные чашки на столе.

— Да вот пока перерывчик в делах, решили чайку хлебнуть по-быстрому, — невинно ответил Крячко.

Но генерал-лейтенанту было прекрасно известно о положении дел в Главке, и он произнес:

— Пойдем тогда в мой кабинет.

Сыщики переглянулись. Они понимали, что ничем хорошим это не кончится — скорее всего, Орлов сейчас подкинет им что-нибудь не слишком приятное, прервав их столь милое времяпрепровождение, но долг, что называется, зовет, и сыщики последовали за начальником.

Когда они прошли в кабинет Орлова, тот посадил их за стол и предложил чаю.

— Товарищ генерал-лейтенант, давай ближе к делу, а то я от чая уже пять раз в туалет бегал, — хмыкнул Крячко.

Орлов, несмотря на то что сам позвал своих «любимчиков», что-то мялся, никак не

решаясь начать. Он вздохнул пару раз, поправил очки и наконец произнес:

— В общем, дело есть для вас.

— Да неужели? — съязвил Гуров.

— Человек пропал, — продолжал Орлов, бросая на Льва многозначительный взгляд.

— Это мы поняли, — кивнул тот. — А дальше?

— И какое отношение это имеет к нашей, так сказать, конторе? — подхватил Крячко.

Две пары насмешливых глаз впелись в Орлова. Ох, как хорошо знал он и эти взгляды, и саму «пару», от которой ничего хорошего в таких случаях не жди! Язвы, а не пара! Уже поняли, вычислили безошибочно своей интуицией, что Орлов находится в затруднительном положении, что обращается к ним за помощью, и сейчас рады будут стараться язвить на все лады, попрекая его, старика, на чем свет стоит! Нет чтобы сразу все понять и поддержать его: «Конечно, дорогой Петр Николаевич, мы готовы оказать вам всяческую помощь!» Или хотя бы без всяких этих церемоний, ничего не комментируя, синхронно сказать: «Слушаюсь, товарищ генерал-лейтенант!» Нет, молчат, подлецы, переглядываются насмешливо!

Орлов еще раз вздохнул, поджал губы и сухо произнес:

■ — Нужно провести расследование.

Крячко длинно присвистнул, а Гуров спросил:

— С каких это пор, Петр, мы проводим расследование по потеряшкам?

— И почему именно мы? — добавил Стас. — Чай, не юнцы, не стажеры...

— Если бы вы были стажерами, я бы вас на рынок патрулировать отправил! — прикрикнул Орлов, твердо решив не отдавать себя на съедение этим двум «монстрам московского сыска», как порой шутливо именовали полковников в отделе. — Особенно тебя, Крячко, чтобы ты за карманниками побегал на своих двоих, жир немного растряс! А то тебе скоро новое кресло придется заказывать — в прежнем не помещаешься! Я смотрю, вы от скуки совсем уже оборзели! Ишь, взяли моду — дела выбирать! Вы не в магазине и не в ресторане! Что начальство поручит — то и будете делать! Важняки, мать вашу! Забыли уже, когда задницу от стула отрывали!

В кабинете повисла тишина. Гуров и Крячко давно не помнили Орлова в таком состоянии. Обычно он был куда сдержаннее, поскольку провел вместе с обоими полковниками множество дел, вместе пережил трудные, даже смертельно опасные ситуации, дружил с ними искренне и всегда относился к ним лояльно, чем они порой пользовались.